Е. М. Муминова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ НА БАЛКАНАХ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Работа представлена кафедрой отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н. Фурсов

В статье анализируется и дается сравнительная характеристика деятельности российских и иностранных корреспондентов на Балканах в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор показывает, что освещение хода военных действий российскими и иностранными корреспондентами не всегда совпадало. Иностранные коллеги русских журналистов зачастую были необъективны по отношению к фактам, людям и событиям.

Ключевые слова: русская военная журналистика, иностранные корреспонденты в русской армии, военная журналистика.

The comparative characteristic of the activity of Russian and foreign reporters in the Balkans during the Russo-Turkish War of 1877–1878 is presented in he paper. The author shows that the coverage of the war events by Russian and foreign reporters not always coincided. The foreign colleagues of the Russian journalists were often biased in relation to facts, people and events.

Key words: Russian war journalism, foreign reporters in the Russian army, war journalism.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. показала, что в формировании общественного мнения в России и Западной Европе важная роль принадлежала не только разного рода дипломатическим усилиям, но и российским и иностранным корреспондентам, которые были очевидцами, а иногда и участниками многих военных событий. Освещение данных событий в средствах массовой информации журналистским корпусом не только создавало иллюзию сопричастности с ними, но и позволяло оценивать ход военных действий и перспективы их окончания. Русское командование зачастую не понимало этого, нередко относилось негативно к деятельности журналистов. Но уже с этой военной кампании становится очевидным значение прессы в плане объективного освещения войны. Русская военная журналистика зародилась именно в ходе военного конфликта на Балканах в 1877–1878 гг.

Историк конца XIX–XX в. В. Апушкин писал: «Как война началась стихий-

но, так и столь же стихийно создавалась "возможность" русской периодической печати иметь своих корреспондентов на театре войны… Это было обусловлено, в первую очередь, патриотическими чувствами и стремлением дать правду о войне во время войны, а не после нее» [1, с. 194]. Журналистов российских изданий допускали на театр боевых действий по просьбе ответственных редакторов и издателей газет. Их откомандировывали в Полевой штаб в качестве официальных корреспондентов. Иностранные журналисты попадали на театр военных действий по рекомендации российских посольств и высокопоставленных лиц. При этом иностранные газеты обязательно ходатайствовали перед дипломатическими представительствами об их допуске [1, с. 196].

Для корреспондентов были установлены ограничения. Они должны были уведомлять штаб армии о своем местопребывании. Особенно это касалось иностранных корреспондентов, которые вполне могли выступать в качестве шпионов. Так, несмотря на запрещение сообщать сведения об армии, ее планах и передвижениях, такие сведения в иностранной прессе появлялись. Корреспонденты таких недружественных России газет, как, например, «Standard», «Neue Freie Presse», «Kölnische Zeitung», сообщали своим редакциям сведения подобного рода. Причем характерно то, что пересылкой запрещенных сведений в иностранные издания занимались не те корреспонденты, которые находились в составе боевых армейских частей, а те, которые проживали в тылу армии. Это было связано прежде всего с взяточничеством, процветавшим не только среди российских гражданских чиновников, но и среди военных. Еще одну причину просачивания сведений называет известный российский писатель В. В. Крестовский. «Для добывания подобных сведений, – писал он, – вовсе не нужно было обращаться к чинам армии… достаточно было обратиться почти к любому агенту господ Грегера, Горвица и Когана, чтобы получить, в особенности при посредстве всемогущественного полуимпериала, данные обо всем, что хотелось бы знать» [4, с. 170].

Причиной утечки информации была также нескорректированность работы в штабе армии и царившая, по выражению В. Д. Кренке, «система секретничания, проводимая начальником Полевого штаба армии генерал-адъютантом А. А. Непокойчицким» [3, с. 630], когда начальники армейских подразделений знали о том, как действовать, меньше, чем агенты по снабжению армии продовольствием. В. В. Крестовский интересно охарактеризовал эту «систему». По его словам, великий князь поручил всем хранить воинскую тайну и ее хранили «столь строго, что нередко даже начальники отдельных управлений армии не знали временно, где находятся та или иная из подлежащих их ведению частей. Маршруты и дислокации составляли одну из глубочайших тайн. К сожалению, на деле тайна вовсе не была тайною для многочисленных евреев-агентов компании "Грегер, Горвиц и Коган" (компания занималась обеспечением российской армии фуражом и продовольствием. – *М. Е.*). Это и понятно, поскольку по заключенному с ними контракту они должны были знать заблаговременно куда и сколько поставить, а, следовательно, знали все о воинских частях и их движении, от них же, вероятнее всего, эти сведения просачивались и в зарубежную печать, особенно в венские газеты» [4, с. 76–77]. Отмечал этот недостаток российской армии и В. И. Немирович-Данченко. «Системою тайн, – писал он, – чины нашей армии вообще слишком злоупотребляют. О битве под Плевною не только жители, даже мы – русские – в Тырнове ничего не зна-

ли. Игра в тайну здесь вообще имеет характер повсеместной эпидемии. О ходе дела под Шипкой Главная квартира узнала только от Форбеса (корреспондент английской газеты «Daily News». – *М. Е.*). Жители, благодаря столь разумной системе находятся в постоянном нервном возбуждении» [8, с. 99–100].

С посылкой секретных материалов в иностранную печать в штабе Действующей армии боролись, один из иностранных журналистов даже был выслан из армии. Описание этого факта, широко разрекламированного российскими военными властями и прессой, имеется у М. А. Газенкампфа [2, с. 125–128]. 13 сентября великий князь главнокомандующий вызвал к себе полковника Генштаба М. А. Газенкампфа и поручил ему лишить Ф. Бойля (корреспондент английской газеты «Standard». – *М. Е.*) «всех преимуществ его звания и затем выслать его из армии» [5, с. 332]. Поводом к такой мере послужила его корреспонденция от 24 августа из Порадима, в которой Ф. Бойль, нарушив принятые на себя под честное слово обязательства, сообщил подробные сведения о расположении российских войск и укреплений под Плевной.

В своем дневнике 14 сентября М. А. Газенкампф записал: «Сегодня, по приказанию Великого князя, изгнал из армии корреспондента газеты “Standard” Фредерика Бойля, рекомендованного английским гувернером августейших детей Митчином. Дело вот в чем. Вчера государь получил из Лондона от графа Шувалова (посол России в Великобритании. – *М. Е.*) письмо с приложением номера газеты “Standard”, в котором помечена корреспонденция Бойля из Порадима от 12 (24) августа. Во-первых, он рассказывает расположение наших войск и укреплений, а во-вторых, с ехидным злорадством отзывается о нашей армии… говорит, что “прошли безвозвратно те времена, когда армия готова была умереть за царя: теперь в ее среде – болезни, недостатки, неудовольствие и ропот. Как бы я смеялся, если б меня самого не трепала лихорадка!”. По словам М. А. Газенкампфа, «государь, прочитав корреспонденцию, послал ее к великому князю, который тотчас же послал за Нелидовым и мною и приказал мне немедленно изгнать Бойля из армии с возможно большим скандалом и оглаской» [2, с. 125–126].

После отъезда Ф. Бойля великий князь приказал М. А. Газенкампфу составить и отослать телеграммы. Первая предназначалась для отсылки в Санкт-Петербург, в Министерство внутренних дел. В ней предлагалось объявить во всех газетах о высылке Ф. Бойля со следующим обоснованием: «За корреспонденцию от 24 августа из Порадима, в которой он, нарушив данное им честное слово, сообщил о расположении наших войск и укреплений. Кроме того, относится со злорадной ненавистью к нашей армии, пренебрегая оказанным ему гостеприимством». Вторая предназначалась для отправки в Лондон российскому послу, чтобы тот сообщил в «Standard» о высылке их корреспондента. Наконец, третья – в Порадим принцу Карлу Румынскому с просьбой выслать Ф. Бойля, сопроводив до границы [2, с. 127]. Эти указания были выполнены. Таким образом, высылка английского корреспондента, широко разрекламированная военными властями, послужила предупреждением другим вести себя в соответствии с принятыми на себя обязательствами.

Шпионская деятельность корреспондентов иностранных изданий действительно имела место. Так, по словам М. А. Газенкампфа, в начале сентября 1877 г. к нему прибыл некий Тэвис, назвавшийся отставным генералом американской армии

и корреспондентом одной из американских газет, и предложил свои услуги в качестве шпиона при турецкой армии. Тэвис сообщил М. А. Газенкампфу, что в Бухаресте существует английское секретное бюро, состоящее в ведении тайного корреспондента газеты «Deily Telegraph» Кингстона. Оно занимается сбором сведений о российской армии и сообщает их через турецкого посланника в Вене в Константинополь. Тэвис предложил М. А. Газенкампфу следующий план: пусть его формально изгонят из российской армии под предлогом того, что российскому штабу известно о его прежней службе в турецкой армии. После этого Тэвис предполагал вернуться в Бухарест и явиться к Кингстону в качестве оскорбленного и попросить у него рекомендационное письмо к великому визирю Эхдему-паше, чтобы его допустили корреспондентом в турецкую армию. А попав туда, он обязался пересылать в российский штаб собираемые сведения. Как ни странно (и это подтверждает его характеристику как искателя приключений), Тэвис просил в качестве оплаты своей деятельности умеренную сумму «на разъезды и расходы», а после окончания войны, «если его услуги будут небесполезны, – дать ему орден на шею» [2, с. 131].

М. А. Газенкампф доложил о предложении Тэвиса великому князю, и тот на совещании с А. А. Непокойчицким и А. И. Нелидовым решил принять его. Полковнику было поручено вступить с ним в переговоры, «но с соблюдением осторожности и тайны» [2, с. 131]. Тэвис действительно был «выслан» из армии и сумел осуществить свой план: раскрыв английское «секретное бюро», получил рекомендательное письмо и в конце декабря 1877 г. отправился в Константинополь. Оттуда он прислал окольными путями несколько писем, информируя о намерениях турецкого правительства. Однако его услуги вскоре оказались ненужными, так как война закончилась.

Отношение к российским и иностранным корреспондентам в армии было полярно различным. Если иностранные корреспонденты имели легкий доступ к высокопоставленным лицам, а следовательно, могли легко получить интересующие их сведения, то российские корреспонденты таких привилегий не имели. Высказывая пожелания на случай будущей войны, В. В. Крестовский замечал, «чтобы в следующей войне (буде нам таковая предстоит) нашим русским корреспондентам оказывалась со стороны полевого штаба если уж не большая, то хотя бы равная степень внимания с корреспондентами газет иностранных» [4, с. 171]. Действительно, иностранные корреспонденты имели такие привилегии, о которых российские могли только мечтать. Например, легкий доступ к высокопоставленным лицам, «и эти последние с очень любезною предупредительностью сообщали им нередко весьма важные сведения, о которых русское общество, до которого эти сведения касались наиболее близким, кровным образом, узнавало, помимо своих русских корреспондентов, лишь из иностранных, преимущественно английских газет» [4, с. 171].

В целом иностранные корреспонденты были обеспечены лучше российских. Это было связано с тем, что корреспонденция в Западной Европе к тому времени уже была поставлена на профессиональную основу. Отправляя корреспондентов для освещения войны, газеты обеспечивали их всем необходимым. Сказывалась также и поддержка правительств, как российского, так и тех стран, чьи газеты корреспонденты представляли. Правда, не все корреспонденты иностранных газет выдержали до конца кампании. Так, в конце сентября «многих корреспондентов зима уже вы-

гнала отсюда», – писал В. И. Немирович-Данченко [8, с. 144].

Российская военная корреспонденция во многом зародилась стихийно. Правительство и командование ее практически не поддерживали, поэтому она должна была развиваться большей частью самостоятельно, своими силами. «Русские корреспонденты! Вот наше горе, – восклицал Н. В. Максимов. – Увы, русский писатель наших дней совсем особенный человек, и судьба, и деятельность этого человека до такой степени несчастны, что одно воспоминание об условиях этой деятельности может отравить весь организм… А когда я приехал в армию и встретился в первый же день, вечером, с г. Всеволодом Крестовским на телеграфной станции, то он мне сказал: “Допустят ли вас, корреспондентов, в армию – это еще вопрос!.. а если допустят, то, вероятно, подчинят этапному начальнику”» [6, с. 182]. Причем, что характерно, такая возможность Н. В. Максимову не казалась невероятной. В штабе армии о них просто не заботились. У российских корреспондентов часто не хватало даже средств на отправку отчетов в периодические издания, поэтому последние часто попадали на печатные полосы с большим опозданием.

В связи с этим нельзя не упомянуть и о самой полевой почте, которой отправлялась большая часть корреспонденции в Россию. Почта работала плохо, неаккуратно. Письма в газеты доставлялись на 18–20-й день после отправки [4, с. 76]. Иностранная корреспонденция в страны Европы и Америку шла намного лучше и попадала в редакции газет практически без задержек. Причиной этого было то, что иностранные корреспонденты посылали свои телеграммы с нарочными до первого австрийского города. Платили за доставку хорошо, поскольку денег для них редакции и правительства не жалели. А из города почта шла по телеграфу, поэтому приходила в срок [1, с. 213]. Так, В. И. Немирович-Данченко по этому поводу замечал: «Для того, чтобы послать телеграмму, надо действовать как иностранные корреспонденты, то есть посылать ее с нарочным до первого австрийского города. На это у русских корреспондентов нет средств» [8, с. 9].

Деятельность самих корреспондентов, находившихся в Действующей армии, была неоднозначной. Как отмечает В. В. Крестовский, большинство из них ушли в тыл армии и писали отчеты со слов участников или, большей частью, по донесениям, приказам и отчетам [4, с. 171]. Их отчеты не всегда точно отображали события и положение дел на фронте. Это, в свою очередь, отражалось в российской прессе, печатавшей статьи таких корреспондентов.

Несмотря на то что большинство корреспондентов работали из тыла, были и такие, которые постоянно находились в армии, сами принимали участие или следили за ходом боев, общались с очевидцами и участниками событий «по горячим следам», непосредственно переносили все тяготы и невзгоды солдатской жизни. Эта группа была не слишком многочисленной, но зато более объективной в своих корреспонденциях. Что примечательно, подавляющее ее большинство составляли российские корреспонденты. Это В. В. Немирович-Данченко, А. Д. Иванов, иностранный корреспондент Мак Гахан, а также Н. В. Максимов, который был вынужден покинуть театр боевых действий до окончания войны, так как получил серьезное ранение. Помимо него раньше времени покинул театр боевых действий Д. К. Гирс, в сентябре, по болезни.

К корреспондентам, писавшим свои отчеты непосредственно с места боев, можно отнести и самого В. В. Крестовского, правда, с некоторой натяж-

кой. Он являлся официальным корреспондентом при полевом штабе действующей армии и входил в группу корреспондентов, которые хотя и были на театре боевых действий, но непосредственно в них не участвовали. Они находились все время при штабе и использовали для своих корреспонденций официальные донесения и отчеты. Помимо В. В. Крестовского, к указанной группе можно отнести князя Л. В. Шаховского и многих иностранных, особенно английских, корреспондентов.

Достаточно объективную характеристику российских корреспондентов на Балканах во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. дал В. И. Немирович-Данченко: «Русские корреспонденты не были подготовлены к делу на театре боевых действий, действовали часто неумело, но русские, прежде всего, были правдивы и добросовестны» [9, с. 221].

Что касается В. И. Немировича-Данченко, то его качества как человека, писателя и корреспондента были отмечены в штабе действующей армии. Именно он, несмотря на либерализм и резкость суждений, был рекомендован в сентябре 1877 г. М. А. Газенкампфом в качестве корреспондента, который может написать «о Государе в армии». «Я указал, – писал полковник, – на Немировича-Данченко, как на писателя неутомимого, везде бывавшего, отлично и быстро пишущего и притом уже завоевавшего себе симпатии массы читающей публики» [2, с. 145–146].

Действительно, В. И. Немирович-Данченко принимал в боях непосредственное участие. Его писательские способности и критическое отношение к людям и событиям позволяли ему открывать в героях войны такие качества, которые не замечали другие. Так, находясь на Шипке и принимая участие в августовских боях, он подметил много интересного, ценного для биографов в генералах, возглавлявших российские отряды. Н. Г. Столетову, например, он дал следующую характеристику: «Небольшой рост, мягкие черты лица, озабоченный взгляд и некоторая суетливость в движениях… Он хорошо знает турецкий язык – одна из причин, послуживших поводом его назначения (начальником болгарского ополчения. – *М. Е.*), хотя по-болгарски он не понимает. С болгарскими дружинниками он часто говорит по-турецки, что тем крайне не нравится» [8, с. 51]. А другого генерала – начальника штаба 12-го армейского корпуса генерал-майора Генерального штаба А. И. Косича – после боя 12 октября у Кадыкиоя он охарактеризовал следующим образом. «Мужественное лицо Косича останавливает на себе взгляд во всей группе. Ему здешний отряд обязан многим. Это хороший офицер Генерального штаба, осторожный в сомнительных случаях, отважный, когда это следует. Он не постеснялся заявить гласно в “Военном листке” о безобразиях нашей продовольственной системы, а с самого начала кампании предостерегал против несвоевременного перехода через Балканы» [8, с. 174].

Не щадил В. И. Немирович-Данченко героя войны – И. В. Гурко. Он упрекает его в том, что тот не дорожит солдатскими жизнями [8, с. 174]. Кстати, в этом он не одинок. Так, Н. В. Максимов утверждал, что «до сих пор генерал Гурко не являлся инициатором того или иного предприятия: он перешел Балканы по инициативе лиц Главного штаба; в казанлыкской же долине он выступил в роли самостоятельного руководителя, и нельзя сказать, чтобы первые шаги его удачны» [7, с. 120]. Н. В. Максимов обвинил И. В. Гурко в неудаче болгарского ополчения под Эски-Загрой в июле 1877 г., когда в результате отступления войск болгарское

население попало в руки турок. «В реляции генерала Гурко вкралась ошибка, – отмечал он, – именно в том месте, где говорится, будто казанские драгуны прикрывали отступление болгар… Это было самое поспешное и самое беспорядочное в военном смысле отступление. Таким образом, кончилась первая экспедиция за Балканами, после которой генерал Гурко тот час отправился в Петербург принимать свою гвардейскую дивизию» [7, с. 124].

Следовательно, деятельность российских и иностранных корреспондентов свидетельствует о том, что уже в период появления военной журналистики она становится важным фактором военных событий. Это понимали в большей степени в Западной Европе, в меньшей – в России, что оказывало влияние на положение журналистов в действующей армии. Совершенно очевидным становится то обстоятельство, что донести правду о войне могло лишь объективное освещение событий. Вся последующая история тому является живым свидетельством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апушкин В.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7. С. 194–218.

2. *Газенкампф М. А.* Мой дневник 1877–78 гг. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 593 с.

3. *Кренке В. Д.* Полевая почта во время войны 1877–1878 гг. // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 619–657.

4. *Крестовский В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878): Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник». СПб.: Типография МВД, 1879. Т. 1. 607 с.

5. *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. СПб.: Изд-во Т-ва Общественная польза, 1908. Т. 5. 580 с.

6. *Максимов Н. В.* За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 167–198.

7. *Максимов Н. В.* За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 7. С. 103–146.

8. *Немирович-Данченко В. И.* Год войны: Дневник русского корреспондента 1877–1878: В 2 т. СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 1. 326 с.

9. *Немирович-Данченко В. И.* Год войны: Дневник русского корреспондента 1877–1878: В 2 т. СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 2. 329 с.